

Чочиев Георгий Витальевич

ЧЕРКЕССКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ В ОСМАНСКОЙ СИРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX В.

В статье рассматриваются причины, обстоятельства и этапы поселения в османской Сирии северокавказских иммигрантов и особенности их социально-экономической и культурной адаптации к местным условиям. Анализируется роль черкесов в сложной этнополитической конъюнктуре региона. Сделан вывод о том, что черкесская колонизация способствовала обеспечению общественной безопасности, ускорению хозяйственного развития и укреплению власти османской администрации в арабских провинциях.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/11-3/55.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (61): в 3-х ч. Ч. III. С. 202-205. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/11-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

7. **Логический анализ языка. Адресация дискурса** / под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Индрик, 2012. 512 с.
8. **Лотман Ю. М.** Семиосфера. СПб., 2010. 704 с.
9. **Назаретян А. П.** Смыслообразование как глобальная проблема современности (синергетика, мега-история и антропный принцип) // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 5-19.
10. **Руднев В.** Философия языка и семиотика безумия: избранные работы. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. 528 с.

POETIC ANTHROPOLOGY: ENCULTURATION AND MEANING FORMATION OF MODERN YOUTH

Chekhonin Aleksandr Dmitrievich, Ph. D. in Pedagogy
Tyumen State University
Nobunaga@yandex.ru

The article deals with the possibility of the existence of a new type of anthropology – poetic one. The author analyzes the possibility of new scopes of anthropological knowledge through complementing the latter with poetic and anthropological discourse, suggests the basic principles of teaching the ways of poetic anthropology mastering in practical aspect, proposes additional possibilities of the enculturation and meaning formation of modern youth in the field of poetic anthropology and denotes prospects of the above mentioned knowledge and research direction.

Key words and phrases: anthropology; poetry; poetic anthropology; poetic and anthropological discourse; principles of teaching ways of poetic anthropology mastering; meaning formation and enculturation.

УДК 94(5)

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются причины, обстоятельства и этапы поселения в османской Сирии северокавказских иммигрантов и особенности их социально-экономической и культурной адаптации к местным условиям. Анализируется роль черкесов в сложной этнополитической конъюнктуре региона. Сделан вывод о том, что черкесская колонизация способствовала обеспечению общественной безопасности, ускорению хозяйственного развития и укреплению власти османской администрации в арабских провинциях.

Ключевые слова и фразы: османская Сирия; черкесы; Порты; иммиграция; колонизация; социальная адаптация; бедуины; друзы.

Чочиев Георгий Витальевич, к.и.н.

*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В. И. Абаева
Владикавказского научного центра Российской академии наук
и Правительства Республики Северная Осетия-Алания
georg-choch@yandex.ru*

ЧЕРКЕССКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ В ОСМАНСКОЙ СИРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. ©

На последних стадиях Кавказской войны началась массовая иммиграция представителей северокавказских народов (собираательно именуемых в ближневосточной традиции черкесами) в Османскую империю, власти которой по экономическим, социальным и политическим соображениям расселяли новых подданных в различных регионах страны, в том числе и в Сирии – Дамаскском и южной, арабской, части Халебского вилайета. Хотя в 1860-х гг. основной поток переселенцев направлялся Портой на Балканы и в Западную и Центральную Анатолию, в Сирии на этом этапе также возникли отдельные поселения дагестанцев, чеченцев, кабардинцев и осетин, прибывавших в регион, как правило, по сухопутному маршруту Тифлис – Карс – Эрзурум – Диярбекир. Так, в 1866 г. на востоке Халебского вилайета, в верховьях р. Хабур, была создана крупная чеченская колония Рас-эль-Айн, население которой первоначально насчитывало, по различным данным, от 18 до 25 тыс. чел. (4-5 тыс. семейств) [3, р. 48; 7, s. 86]. В 1871 г. в округа Балка и Хама Дамаскского вилайета было направлено более тысячи выходцев из Дагестана, а в следующем году еще две северокавказские колонии общей численностью около 1,5 тыс. чел. были основаны в окрестностях Хомса и Кунейтры [5, s. 172]. Однако, несмотря на определенную помощь правительства, данные разрозненные поселения северокавказцев оказались недостаточно жизнеспособны ввиду непривычных климатических условий, земельных конфликтов с местными жителями и нападений кочевников-бедуинов и друзов. Значительная часть поселенцев уже к середине 1870-х гг. либо погибла в результате голода, болезней и столкновений с соседями, либо самостоятельно переселилась в другие регионы государства. К примеру, в колонии Рас-эль-Айн к этому времени оставалось всего пятьсот семейств [3, р. 48; 13, р. 360].

Превращение Сирии в регион интенсивной черкесской колонизации произошло лишь после русско-турецкой войны 1877-1878 гг. На оформивших ее итоги мирных переговорах в Сан-Стефано и Берлине Порте пришлось согласиться с требованием России и других держав об эвакуации с Балкан расселенных там в 1860-х гг. приблизительно 175-200 тыс. черкесов, которым вменялось в вину участие в жестоких расправах над местным христианским населением. Одновременно в Османскую империю прибыло не менее 30 тыс. абхазцев, покинувших родину после подавления инспирированного, во многом Стамбулом, восстания, а также около 20 тыс. более ранних черкесских переселенцев из отошедших в результате войны к России Карсской и Батумской областей [6, p. 43; 11, p. 75, 80-82]. Оказавшееся вследствие этих процессов перед необходимостью размещения значительного контингента этнических северокавказцев в своих азиатских провинциях, османское руководство вынуждено было гораздо решительнее включить в свои колонизационные проекты арабские земли. Отметим, что к этому его толкал не только факт значительного сокращения к рассматриваемому времени свободных площадей в Анатолии, но и возросшая актуальность задачи ускорения социально-экономического развития сирийского региона и укрепления в нем центральной власти, одним из инструментов чего должно было стать привлечение туда мусульманских иммигрантов. Согласно составленному в июле 1878 г. правительственному плану, из числа лишь перемещаемых с Балкан черкесов 25 тыс. чел. предполагалось направить в Дамаскский вилайет, а 50 тыс. – в Халебский [1, f. Y.A.RES, g. 1, d. 41]. По сведениям же французского консула в Сирии, только в Дамаскском вилайете Порты надеялась поселить более 100 тыс. северокавказцев [13, p. 415].

Практическая же переправка черкесов с Балкан на арабский Ближний Восток началась задолго до этого. С середины февраля до середины апреля 1878 г. в Бейрут, Хайфу, Акку, Яффу, Латакию, Искендерун и другие порты Сирии, Ливана и Палестины было доставлено на османских и иностранных судах около 25 тыс. черкесов [Ibidem, p. 351, 415]. Приток в регион северокавказцев продолжался, хоть и более медленными темпами, вплоть до начала 1880-х гг. По официальным данным, к 10 сентября 1879 г. из числа прибывших с начала войны в Стамбул беженцев с Балкан 42 422 чел., в подавляющем большинстве черкесов, было отправлено в Дамаскский и Халебский вилайеты [1, f. Y.A.HUS, g. 162, d. 43]. В этот же период, согласно другому источнику, в лагерях для беженцев в Стамбуле, Варне и Салониках все еще находилось несколько десятков тысяч черкесов, которых власти также намеревались отправить в две арабские провинции [7, s. 79]. Тогда же сюда сухопутным путем прибыло небольшое количество осетин, кабардинцев и дагестанцев из Карса и Батума. Исходя из этих сведений, можно предположить, что число этнических северокавказцев, мигрировавших в Сирию во время и непосредственно после войны 1877-1878 гг., составило не менее 50 тыс. чел. (в основном принадлежавших к адыго-абхазским народам), что было существенно меньше первоначально планировавшейся властями цифры. Последнее обстоятельство объяснялось, прежде всего, тем, что немалая часть черкесов уклонилась различными способами от отбытия в регионы назначения и осела в анатолийских провинциях.

В последующие десятилетия Порты продолжала поощрять приток в Сирию выходцев с Северного Кавказа. Однако, поскольку данный процесс уже не носил характера массового перемещения больших групп населения, общее количество поселившихся в арабских вилайетах в период с середины 1880-х гг. до начала XX в. северокавказцев, представлявших народы как Северо-западного, так и Центрального и Северо-восточного Кавказа, по всей видимости, не превысило 10 тыс. чел. [5, p. 173; 7, s. 81]. Совокупная же численность прибывших на рассматриваемые территории за все время иммиграций кавказцев может быть оценена примерно в 70 тыс. чел.

География размещения черкесов по территории османской Сирии недвусмысленно отразила стремление Порты использовать иммигрантов для реализации своих политических и социально-экономических расчетов в регионе. Большая часть колоний была рассредоточена в виде цепи довольно удаленных друг от друга групп сел по линии Мембидж – Хама – Хомс – Думейр – Сувейда – Джераш – Зарка – Амман, представлявшей собой по существу границу между прилегающей к морскому побережью полосой оседлого земледелия и пустынно-степной зоной доминирования племен бедуинов. Иммигрантам здесь, по замыслу властей, предстояло осваивать предоставленные им целинные земли и одновременно защищать себя и окрестное оседлое население от нападений кочевников. Аналогичные функции были возложены на черкесов, поселенных на северо-востоке Сирии, в районах Ракки, Айн-эль-Араба и Рас-эль-Айна, с той разницей, что здесь они должны были сдерживать натиск как бедуинов, так и проникавших с севера курдов и туркмен. С другой стороны, черкесские колонии, расположенные в Кунейтре (на Голанских высотах) и Северной Палестине, в центре довольно густонаселенного и хорошо развитого района, были созданы с очевидной целью нейтрализации антиправительственной активности друзских общин [11, p. 30-31]. В то же время во избежание превращения самих иммигрантов в трудноконтролируемые сообщества Порты стремилась последовательно проводить в жизнь принцип их дисперсного расселения и не допускать чрезмерной концентрации северокавказцев в отдельных районах [7, s. 78; 9, s. 31].

Преобладание «охранных» функций и мотивов в расселении северокавказских иммигрантов, их лояльность властям и готовность к выполнению роли проводников османской политики в регионе способствовали восприятию их местным населением в целом как враждебного элемента. Напряженность провоцировалась также тем обстоятельством, что администрация нередко передавала поселенцам земли, находившиеся в фактическом распоряжении или даже легальной собственности коренных жителей, ставя черкесов перед необходимостью силой отстаивать свои права на приобретенные территории от посягательств их прежних владельцев [12, s. 150; 13, p. 415].

В силу названных причин большинство черкесских колоний с момента возникновения оказалось втянуто в кровопролитные конфликты с местными группами. Особенно велики были потери черкесов в крупных и мелких вооруженных столкновениях с бедуинами в первые годы после поселения. В 1878 г. только из числа обитателей колонии Рас-эль-Айн окружающими племенами было убито, по меньшей мере, сто человек. При этом зачастую вражда между иммигрантами и местными племенами принимала формы кровной мести, когда и те и другие вели фактически охоту на представителей противоположной стороны [3, р. 48]. Очень скоро черкесы были вовлечены в междоусобные конфликты кочевников. Хотя это было вызвано стремлением самих поселенцев укрепить посредством заключения более или менее прочных альянсов свои позиции в сложной этнополитической конъюнктуре сирийского запограничья, во многих случаях подобная тактика оборачивалась для них конфронтацией с более могущественными бедуинскими объединениями. Так, в противостоянии племен восточных и западных шаммаров в районе Мембиджа в 1879-1880 гг. черкесы выступили на стороне западной фракции, но были вместе со своими союзниками разбиты восточной группировкой, понеся большие потери [12, s. 317-318]. С течением времени некоторые из возникших в сирийской пустыне поселений были под давлением кочевников покинуты обитателями, однако большая часть черкесских колоний, преодолев значительные трудности и понеся потери в численности, все же смогла утвердиться в качестве полноправных субъектов локальной общественной и этнической политики.

Кровопролитный характер имел и конфликт черкесов с друзами за контроль над Голанами. Положение иммигрантов здесь несколько облегчалось тем обстоятельством, что в конфронтации с друзами находились почти все группы местного населения, а правительство предпринимало более целенаправленные усилия для укрепления своей власти в этом районе. В первые годы после поселения в стычках с друзами на почве споров из-за земельных прав, угонов скота и т.п. черкесы понесли немалые жертвы. В дальнейшем, однако, колонисты стали выступать против друзов в коалиции с другими этническими и конфессиональными группами. Так, осенью 1895 г. после серии взаимных набегов черкесы совместно с бедуинским племенем фадл и местными курдами нанесли поражение друзам в окрестностях Кунейтры, а затем при попустительстве властей сожгли ряд друзских сел, следом карательную акцию против друзов осуществили и правительственные войска [2, р. 158-160]. В целом колонии Голанских высот были наиболее жизнеспособными в османской Сирии и характеризовались сравнительно устойчивым ростом численности населения, в том числе и ввиду притока сюда черкесского элемента из других мест региона.

Несомненно, наиболее тяжелым положение поселенцев было в первые годы после их прибытия в Сирию. По мере адаптации к местным условиям в большинстве колоний происходило улучшение социально-экономического положения их обитателей, подтверждением чему может служить, например, факт постепенного выкупа поселенцами в частную собственность выделенных им государством земель и даже приобретения новых земель [7, s. 83, 85]. Уже в первые десятилетия черкесская община заняла вполне определенные ниши в социальной и экономической жизни региона. Подавляющее большинство северокавказцев продолжало традиционное занятие сельским хозяйством. Вместе с тем непропорционально большой их процент был принят на службу в полицию и местные регулярные и нерегулярные войсковые подразделения. При этом, поскольку на недавних иммигрантов не распространялась воинская повинность, их рекрутирование в армию осуществлялось методами материального стимулирования, через посредничество традиционных лидеров и т.п. [8, р. 27]. Если власти явно рассчитывали таким образом повысить эффективность региональных силовых структур, то для иммигрантов служба в указанных формированиях была не только способом выгодного приложения своих воинских навыков, но и средством укрепления этнообщинных позиций во взаимоотношениях с враждебными группами местного населения. Составленные преимущественно из черкесов силы правопорядка внесли заметный вклад в обеспечение безопасности и стабильности в ряде стратегически важных районов Дамасского и Халебского вилайетов (крупных городах, местах потенциальных волнений и т.п.). С начала же XX в. черкесские полицейские и ополченцы обеспечивали эффективную охрану от нападений бедуинов строительства, а затем и эксплуатации Хиджазской железной дороги, проложенной фактически вдоль линии расположения северокавказских колоний от Дамаска до Аммана и далее к югу. Примечательно, что указанные поселения вскоре стали поставлять и основную часть рабочего персонала для этой дороги [2, р. 254]. На весьма ранней стадии началось и поселение отдельных представителей черкесской общины (первоначально представителей знати, духовенства и состоятельных слоев) в Дамаске, Халебе и других крупных городах, где многие из них успешно интегрировались в состав османских военных, бюрократических, интеллектуальных, коммерческих и прочих элит [7, s. 78; 8, р. 75, 103].

С другой стороны, несмотря на сравнительно высокий уровень вовлеченности в региональную политическую жизнь, черкесы здесь оставались на протяжении всего османского периода довольно изолированной в социокультурном отношении группой. Это было обусловлено не только фактом их «пришлости» и натянутостью отношений с местным населением, но и значительным разрывом в уровне общественного, экономического и культурного развития иммигрантов и основной массы соседствовавших с ними коренных жителей. Так, европейские наблюдатели обычно отмечали выделявшие черкесские поселения чистоту и ухоженность, гораздо более развитые формы производственной деятельности, домостроительной архитектуры и т.п. [14, р. 126-127]. Сознание собственного социокультурного превосходства во многом способствовало дистанцированию черкесов от окружающего населения и превращению их в достаточно замкнутую общину, склонную к поддержанию тесных контактов главным образом с официальной османской администрацией. Показательно, что черкесы являлись единственной этнической общиной суннитского вероисповедания,

обучавшей своих детей в обособленных школах в 1890-х гг. в Дамаскском вилайете [4, p. 318]. Факты сколько-нибудь массовой арабизации черкесских колонистов в этот период были крайне редки и имели место лишь в наиболее удаленных и неблагополучных поселениях (в вышеупомянутом Рас-эль-Айне и некоторых других) и крупных городах.

В целом можно констатировать, что поселение северокавказцев в Сирии в существенной степени способствовало (в отличие от аналогичного процесса во многих других частях империи) достижению целей, связывавшихся Портой с привлечением в страну населения извне. Ценой немалых жертв черкесы внесли заметный вклад в ослабление столетиями находившихся в оппозиции центральной власти фактически автономных групп местного населения – бедуинов, друзов и др., – что облегчило установление над ними официального контроля и создало предпосылки для экономического прогресса занимавшихся ими территорий. Так, в течение последней четверти XIX – первой половины XX в. площадь зоны оседлого земледелия в регионе увеличилась в полтора раза, главным образом за счет заселения аграрным элементом (разумеется, не только и со временем все более не столько черкесским) и хозяйственного освоения земель, ранее служивших пастбищами для кочевников [10, p. 48-50]. При этом ряд основанных черкесами в сирийском запограничье позапрошлого века колоний (таких как Амман, Мембидж, Джераш) впоследствии превратились в крупные арабские города. Вклад поселенцев в социально-экономическое развитие османской Сирии проявился также в привнесении сюда освоенных ими как на Кавказе, так и на Балканах более интенсивных методов аграрного производства, ранее не известных в регионе сельскохозяйственных орудий и инвентаря, некоторых зерновых и плодовых культур (маиса, овса, винограда, маслин) и т.п. [Ibidem, p. 49].

Таким образом, рассмотренная в общих чертах в этой статье черкесская колонизация в Дамаскском и южной части Халебского вилайета, несмотря на значительные трудности начального периода, в конечном счете, явила собой относительно успешный образец социально-экономической адаптации, военно-политической интеграции и этнокультурного «выживания» северокавказских иммигрантов в османских владениях.

Список литературы

1. **Başbakanlık Osmanlı Arşivi.** İstanbul.
2. **British Documents on Foreign Affairs. Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print.** Frederick, Md., 1984. Part I. Series B. Vol. 17.
3. **Correspondence Respecting the Condition of the Population in Asia Minor and Syria** // Turkey. 1879. No. 10.
4. **Cuinot V.** Syrie, Liban et Palestine. Geographie administrative, statistique descriptive et raisonnée. Paris, 1896. 694 p.
5. **Habiçoğlu B.** Kafkasya'dan Anadolu'ya Göçler. İstanbul, 1993. 190 p.
6. **İpek N.** Rumeli'den Anadolu'ya Türk Göçleri. Ankara, 1994. 260 p.
7. **Karpat K.** Avrupalı Egemenliğinde Müslümanların Konumu. Çerkeslerin Sürgünü ve Suriye'deki İskanı // Çerkeslerin Sürgünü (21 Mayıs 1864). Ankara, 1993. S. 78-111.
8. **Karpat K.** Ottoman Population, 1830-1914. Demographic and Social Characteristics. Madison, 1985. 242 p.
9. **Khesey S.** Suriye Çerkesleri // Kuzey Kafkasya. 1978. No. 50. S. 31-32.
10. **Lewis N.** The Frontier of Settlement in Syria // International Affairs. 1955. No. 31. P. 48-60.
11. **Pinson M.** Ottoman Colonization of the Circassians in Rumili after the Crimean War // Etudes Balkaniques. 1972. No. 3. P. 71-85.
12. **Sachau E.** Reise in Syrien und Mesopotamien. Leipzig, 1883.
13. **Şimsir B. N.** Emigrations turques des Balkans. Documents. Ankara, 1989. Vol. 1. 819 p.
14. **Sykes M.** Through Five Turkish Provinces. L., 1900. 149 p.

CIRCASSIAN COLONIZATION IN OTTOMAN SYRIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX – THE EARLY XX CENTURY

Chochiev Georgii Vital'evich, Ph. D. in History

*V. I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanities and Social Studies of Vladikavkaz Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences and the Government of the Republic of North Ossetia-Alania
georg-choch@yandex.ru*

This article discusses the causes, circumstances and stages of North Caucasian immigrants' settlement in Ottoman Syria and the peculiarities of their socio-economic and cultural adaptation to the local conditions. The role of the Circassians in the complex ethno-political conjuncture of the region is analyzed. The author concludes that the Circassian colonization contributed to the public security ensuring, the acceleration of the economic development and the consolidation of Ottoman administration power in Arab provinces.

Key words and phrases: Ottoman Syria; the Circassians; Porte; immigration; colonization; social adaptation; the Bedouins; the Druzes.